

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Ив. Бунинъ. Избранные стихи. Издательство «Современныя записки». Парижъ, 1929.

Стихи Бунина называли «стихами прозаика». Это глубоко не вѣрно. Конечно, между прозой Бунина и его стихами очень много общаго (иначе вѣдь и невозможно: каждый большой художникъ всегда цѣлостно присутствуетъ въ каждомъ своемъ созданіи), но это общее раскрывается въ стихахъ совершенно иначе, чѣмъ въ прозѣ.

Обще Бунинской прозѣ и Бунинскимъ стихамъ: 1) стереоскопическая сверхрельефность описаній (въ особенности описаніе природы, 2) ясность и точность смысловыхъ содержаній, какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и всѣхъ словесныхъ построеній, (смысловая сущность (эидема) Бунинскихъ словъ, фразъ, періодовъ, никогда не растворяется въ звукахъ и напѣвностяхъ (фонема) *) его прикровенно мелодическихъ стиховъ. Даже стихи о туманѣ у Бунина — кристаллы. «Русская весна» стр. 27) и 3) особая аристократичность, — скупость на внѣшніе эффекты, сдержанность словъ и страстей, чувство мѣры и нелюбовь къ педали. Этими тремя моментами сходство Бунинской прозы и Бунинскихъ стиховъ, конечно, не исчерпывается, но меня сейчасъ интересуетъ не столько сходство, сколько различіе.

Оно есть и оно очень значительно. Чѣмъ пристальнѣе вчитываешься въ стихи Бунина, тѣмъ глубже ощущаешь ту ихъ пронзительную лиричность и глубокую философичность, которыхъ въ разсказахъ Бунина нѣтъ (которыя вообще неразсказуемы). Излагать рецензентской прозой явленное въ совершенныхъ стихахъ міросозерцаніе поэта — вещь ненужная и невозможная. Возможно только указаніе на главные, постоянно возвращающіеся мотивы Бунинскаго лирическаго раздумья надъ сущностью міра и жизни.

Въ основѣ Бунинскаго міроощущенія не лежитъ, а неустанно вращается нѣкій трагическій кругъ: предѣльно напряженное чувство жизни (отсюда зоркость его глазъ — ихъ у него двѣ пары: орлиные на день, свиные на ночь); жажда жизни и счастья, неутолимость этой жажды:

*) Термины Г. Г. Шпета.

«Снова накануне. И съ годами
 «Сердце не считается. Иду
 «Молодыми, легкими шагами —
 «И олягъ, олягъ чего то жду. (стр. 210).

— затѣмъ срывъ, скорбь, смерть:

Позналъ я..
 Ненужную для міра боль и муку,
 И эти одинокіе часы
 Безмолвнаго, полуночнаго бдѣнья,
 Презрѣнія къ землѣ и отчужденья
 Отъ всей земной бессмысленной красы. (222).

— и тутъ же упоеніе красотой скорби, восторгъ о безсмертіи смерти

Зачѣмъ плѣняется старая могила
 Блаженными мечтами о быломъ?
 Зачѣмъ зеленымъ клонится челомъ
 Та ива, что могилу осѣнила,
 Такъ горесно, такъ нѣжно и свѣтло,
 Какъ будто все, что было и прошло,
 Уже познало радость воскресенья
 И въ лонѣ всепрощенія, забвенья
 Небесными цвѣтами поросло? (стр. 221).

— затѣмъ снова срывъ, скорбь, смерть, страхъ.

Я намѣренно назвалъ вѣчно вращающійся кругъ Бунинскаго міровоспріятія трагическимъ. Это большое слово не случайно. Не всякая борьба человѣка со своею долею, со своею судьбой есть уже трагедія, а лишь та борьба, что происходитъ на глазахъ у присутствующаго, но до времени молчащаго и не помогающаго человѣку Бога. Взоръ такого нѣмого, скорбящаго о человѣкѣ, но не протягивающаго ему своей руки Бога все время чувствуетъ Бунинъ гдѣ-то высоко надъ вѣчнымъ міромъ и надъ своею брэнною судьбой.

Весь міръ молчитъ — затѣмъ,
 Что въ мірѣ Богъ, а Богъ отъ вѣка нѣмъ. (стр. 195).

Порою кажется, что Богу самому тяжело это молчаніе, тяжела обреченность нѣмого вслушиванія въ «тоску всѣхъ странъ и всѣхъ временъ», что Онъ вотъ, вотъ заговорить съ человѣкомъ, но это только кажется. Богъ, самъ Богъ у Бунина молчитъ, лишь Слово его двѣтеть божественною плотью міра, неизяснимо-прекраснаго скорбью человѣческой жизни.

«Онъ (Богъ) въ вѣтрѣ былъ, въ моей душѣ бездонной, —
И содрогался синимъ блескомъ звѣздъ
Въ лазури неба, чистой и огромной». (стр. 57).

Эта пантеистическая тема въ мироощущеніи Бунина очень сильна. Порою она достигаетъ такого напряженія, что Богъ становится чѣмъ-то почти враждебнымъ міру.

«Все ритмъ и бѣгъ. Безцѣльное стремленье,
«Но страшень мигъ, когда стремленья нѣтъ.

Не знаю, вѣрно-ли слышу я тайную волю Бунинской мысли, но мнѣ кажется, что если бы Бунину пришлось выбирать между «безцѣльнымъ стремленіемъ» міра и Богомъ вѣчнаго покоя, онъ выбралъ бы стремленіе и отвергъ Бога.

Темнѣетъ зимній день, спокойствіе и мракъ
Нисходятъ на душу — и все, что отражалось,
Что было въ зеркалѣ, померкло, потерялось...
Вотъ такъ и смерть, да, можетъ быть, вотъ такъ.

Кто это заигралъ? Чьи милые персты,
Чьи кольца яркія вдоль клавишъ побѣжали?
Душа моя полна восторга и печали —
Я не боюсь могильной темноты. (стр. 151).

«Восторгъ и печаль», вѣрнѣе, восторгъ печали, что сильнѣе страха смерти, — какой это характерно Бунинскій мотивъ — быть можетъ корень его религиознаго воспріятія трагедіи жизни и міра.

Глубина религиознаго сознанія (объ этомъ согласно свидѣтельству величайшіе мистики всѣхъ эпохъ) всегда связана съ предѣльнымъ углубленіемъ памяти. Помня прошлое, внутренне зная тайну «вѣчной памяти», нельзя не вѣрить въ вѣчность. А что-же можетъ быть вѣчнымъ кромѣ Бога? Ничто съ такою силою не свидѣтельствуеетъ о подлинной религиозности Бунинской музы, какъ ея связанность съ памятью. Что сущность поэзіи въ связи памяти съ вѣчностью, эта изумительная мысль съ прекрасной точностью почти что сформулирована Бунинымъ, въ сонетѣ, озаглавленномъ «Въ горахъ»

«Поэзія не въ томъ, совсѣмъ не въ томъ, что свѣтъ
Поэзіей зоветъ. Она въ моемъ наслѣдствѣ,
Чѣмъ я богаче имъ, тѣмъ больше я поэтъ.
Я говорю себѣ, почувавъ темный слѣдъ
Тою, что прашуръ мой воспринялъ въ древнемъ дѣтствѣ:
— Нѣтъ въ мірѣ разныхъ душъ и времени въ немъ нѣтъ» (155)

Тема памяти неоднократно повторяется въ стихахъ Бунина. Но важно, конечно, не столько то, что Бунинъ часто говоритъ о памяти,

сколько то, что почти всё его стихи можно в известном смысле рассматривать, как углубление сознания поэта чрез воспоминания, т. е. чрез перевоплощение в дальнее. Образы дали в поэзии Бунина очень разнообразны. Ему одинаково близки и дали чужих стран («Стамбуль», «Иерусалимъ», «Малайская пѣснь») и дали русской исторіи («Святогоръ и Илья», «Святой Прокопій», «Князь Всеславъ»), и дали дочеловѣческаго, звѣринаго бытія человѣка (стихи о собакѣ, волѣ, пантерѣ, оленѣ). Не думаю, чтобы мое пониманіе всёхъ этихъ перевоплощеній в даль, какъ образовъ памяти, было натяжкой. Всё отмѣченныя мною стихотворенія при всей ихъ изумительной пластичности и, на поверхностный взглядъ, почти внѣшней описательности, совсѣмъ не простыя описанія, а изъ глубины внутренней жизни извлеченныя переживанія.

Въ этомъ смыслѣ весьма показателна разница между патетически-исторіософской «Италіей» Брюсова и интимно-личной «Венеціей» Бунина.

«Страна измученная страстностью судьбы,
«Любовница всёхъ роковыхъ столѣтій»

такъ форто-фортиссимо начинается «Дума» Брюсова. И совсѣмъ иначе у Бунина. Онъ просто пріѣхалъ въ Венецію, какъ къ себѣ въ усадьбу.

«Восемь лѣтъ въ Венеціи я не былъ...
Всякій разъ, какъ вокзалъ мишуешь
И на пристань выйдешь, удивляетъ
Тишина Венеціи, пьянѣешь
Отъ морского воздуха каналовъ. (стр 107).

И это не случайность. Всё «историческіе» стихи начинаются у Бунина съ такой же маленькой, почти случайной, глазомъ подобранной мѣтчи Иерусалимъ съ мака во рву на припекѣ, Стамбуль съ облѣзлыхъ, худыхъ кобелей. Отъ этихъ случайностей Бунинъ легко и просто подымается къ великому, историческому, къ тому, что онъ самъ именуетъ «прахомъ вѣковъ». Но эготъ «прахъ вѣковъ» не высшее въ историческихъ стихахъ Бунина. Высшее въ этихъ стихахъ «опаденіе» историческаго «праха вѣковъ» на «прахъ святынь», личныхъ Бунинскихъ святынь, — святынь его памяти.

«Какъ старымъ морякамъ, живущимъ на покоѣ,
Все снится по ночамъ пространство голубое
И сѣти зыбкихъ пантъ, — какъ вѣрятъ моряки,
Что ихъ моря зовутъ въ часы ночной тоски,
Такъ кличутъ и меня мои воспоминанья . (стр 81).

И о звѣряхъ Бунинъ пишетъ такъ же, какъ о чужихъ странахъ и древнихъ русскихъ временахъ. Онъ и ихъ вспоминаетъ, только не

исторической, а какой-то **биологической памятью**. Я не знаю, о себѣ ли, или объ оленѣ написаъ Бунинъ прекрасныя строки

«О, какъ легко онъ уходилъ долиной!
Какъ бѣшено, въ избыткѣ свѣжихъ силъ,
Въ стремительности радостно-звѣриной
Онъ красоту отъ смерти уносилъ!

Есть у Бунина строчка; въ томъ сонетѣ, который съ нея начинается, до конца понятная и оправданная, но на все Бунинское творчество настолько нераспространяемая, что мнѣ представляется необходимымъ сказаъ о ней нѣсколько словъ.

«Поэзія темна, въ словахъ невыразима» (стр. 155).

Это сказано поэтомъ Бунинымъ, но это сказано не о Бунинской поэзіи. Бунинъ типичный представитель русскаго апполинизма. Его стихи до конца вяжутъ уху, уму и сердцу. Все несказуемое въ нихъ сказано... въ размѣрѣ его сказуемости. Въ стихахъ Бунина нѣтъ «заумы», «невнятицы», нѣту хаоса, ворожбы и крутения мистически-эстетической хлыстовщины (очень глубокой темы русскаго сознанія), т. е. **всего того, что такъ характерно для Блока и Бѣлаго, чѣмъ оба они перекикаются не только съ Есенинымъ и Пастернакомъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и съ Гете второй части Фауста.**

Указывая на это ограниченіе Бунинскаго дарованія, я въ концѣ концовъ указываю только на его совершенство, ибо внѣ определенныхъ границъ и граней возможно быть можетъ свершеніе, но не возможно совершенство.

Федоръ Степунъ.

А. Петрищевъ. Великій лѣсъ Парижъ, 1929.

Извѣстный публицистъ и ближайшій сотрудникъ «Русскаго Богатства» повысить бы интересъ къ своему роману, если бы подписалъ его не своимъ именемъ, а псевдонимомъ. При томъ вниманіи, которое есть въ эмиграціи къ молодымъ литературнымъ силамъ, критика и публика отнеслась бы къ «Великому Лѣсу», съ большимъ интересомъ. Имя автора сразу говоритъ читателю, что это дебютъ въ новой области писателя имѣющаго за собой долгій литературный путь. А такіе экскурсы въ новую сферу рѣдко бываюгъ удачными.

Въ данномъ случаѣ опытъ облегчался тѣмъ, что въ талантливыхъ очеркахъ, печатавшихся въ «Русскомъ Богатствѣ», г. Петрищевъ всегда стремился иллюстрировать свои положенія образами и картинками дѣйствительности и непосредственными наблюденіями надъ жизнью. Его писанія можно было называть полубеллетристическими. Въ нихъ сказывалось большое знаніе русской жизни.

«Великій Лѣсъ» описываетъ то страшное время ранняго большевизма, когда такъ близко соприкоснулись, такъ неразрывно сплелись